

Любовник

Наталья Анискова, Майк Гелприн

Если вы ко мне на прием, то в регистратуру вам не надо. Лезьте себе на второй этаж и шуруйте по коридору налево. Там сначала будет здоровенная очередь к терапевту, за ней поменьше к хирургу, а потом и совсем маленькая. Думаете, раз маленькая, то ко мне? Ошибаетесь, это к проктологу. У меня очередей не бывает. Не оттого, что коновал такой, а потому, что специальность у меня новая и люди еще не привыкли.

В общем, дуйте себе мимо проктолога и сворачивайте направо, в закуток. Раньше там уборщицы швабры хранили. А сейчас швабры сократили, и вместо них в закутке мой кабинет. На двери табличка с надписью «СТОРГОЛОГ», но вы ее не читайте. Во-первых, потому что кто такой сторголог, все равно не знаете. А во-вторых, табличка гипсом заляпана. Это Любка ее гипсом, медсестра, чтобы людей не путать. А под табличкой она же надпись намалевала — масляной краской наискось во всю дверь, для доходчивости. Вот ее и читайте, тогда ни за что не ошибетесь, если вам ко мне. Русским по белому написано «ДОКТОР-ЛЮБОВНИК». Это я и есть.

Девиче навскидку лет двадцать. Красивая. И тряпки со-ответствуют.

— Присаживайтесь. На что жалуетесь?

— У меня проблема, доктор, — вздыхает девица. — Я люблю сразу двоих.

За спиной саркастически хмыкает Любка. Полиаморию она не одобряет.

— Подробней, пожалуйста. Кто такие? Как давно любите? Почему обратились к врачу?

— Давно, доктор. Со школы, мы учились в одном классе, все трое. Вчера Петя сделал мне предложение, когда узнал, что я беременна. А Игорь — неделю назад, и я согласилась. А теперь не могу отказать Пете.

— От кого вы беременны?

— Не знаю, доктор. Я думаю, что от Игоря. Но от Пети тоже может быть. Или даже от Альбертика.

Хмыканье за моей спиной превращается в возмущенное фырканье.

— Кто такой Альбертик? — обреченно спрашиваю я. — Тоже одноклассник?

— Нет, это парикмахер. Так что мне делать, доктор?

— Аборт, — отзывается из-за спины Любка.

— Прежде всего, сторгограмму, — игнорирую я не-квалифицированную помощь. — Вон туда проходите, к сестре.

Сторгограмму чертит хитрый прибор, называемый сторгоскопом. Это от греческого слова «сторге» — любовь. Как ни странно — к родственникам, и не обязательно противоположного пола. Впрочем, грекам было виднее. Так или иначе, прибор сканирует ауру пациента

и в результате выдает затейливый рисунок, который для профана выглядит примерно как «Композиция X» Кандинского. Ну а для специалиста — как анамнез.

— Так-с... — говорю я пациентке, ознакомившись с творением сторгоскопа. — У меня для вас хорошие новости. Вы абсолютно здоровы, никакой любви у вас нет. Ни к Игорю, ни к Пете, ни к кому там еще, к...

— К Альбертику, — подсказывает Любка.

— Ни к Альбертику. Идите себе спокойно домой.

— А как же я?! — ахает пациентка. — Как же я тогда замуж?

— Это не в моей компетенции. Я занимаюсь только больными. Симулянтам и ипохондрикам, извините, рекомендаций не даем. Лекарств не выписываем, на процедуры не отправляем. Всего хорошего.

Мужуку лет тридцать. Среднего роста, плечистый, основательный. На спортсмена похож.

— На что жалуетесь?

— Любовь без взаимности.

За спиной вздыхает Любка.

— Ясно, рассказывайте. Срок? Симптомы? Объект?

— Она не объект, — хмуро глядит «спортсмен».

— Хорошо, рассказывайте про «не объект».

— Красивая такая... — Пациент рисует в воздухе что-то вроде восьмерки. — Сразу видно, что добрая. И такая вся, эдакая...

— Одухотворенная, — подсказывает Любка.

— Вот, точно!

— Хорошо. Почему без взаимности?

Посетитель явственно смущается, мнетяся.

— Она из этих, — выдает он наконец. — Из крутых. Вы бы ее машину видели! Куда я со своей любовью. Подступиться к такой, и то боязно.

— Ладно, посмотрим на сторгограмму. Проходите туда, к сестре.

Случай, действительно, серьезный. Любовь страстная, безответная, вторая стадия.

— Сторгогон трижды в день, — выписываю я рецепт. — Если через неделю не поможет, будем работать дальше.

В отличие от утренней симулянтки новая посетительница одета неброско. И моделью не выглядит, хотя и вполне миловидна. К тому же приходит она уже четвертый раз за месяц — очевидный рецидив.

— Здравствуйте, доктор, — говорит рецидивистка. — Можно? Валя я, помните меня?

— Здравствуйте, Валя. На что жалуетесь?

— Все то же самое, доктор...

«Все то же самое» — это патологическая влюбленность в неизвестного мне индивида, который ее в грош не

ФАНТАСТИКА

ставит. Сторгограмму можно не делать: две предыдущие были идентичны и показывали любовь настоящую, платоническую, в третьей стадии — предпоследней.

— Сторгогон принимали? — спрашиваю.

— Дважды в день, как прописано.

— Разлюбинку глотали?

— Столовую ложку с чаем. Не помогает мне, доктор. Ночами не сплю, из рук все валится, уже на стены начала наткаться.

— А этот?

— А что этот? — пожимает плечами посетительница. — Смотрит на меня, как на пустое место.

— Вот скотина! — подает голос Любка.

— Ладно. Дозу разлюбинки удвойте. Вот рецепт на сторгоцид, он посильнее сторгогона будет. Трижды в день. Через неделю придете на прием.

Очередной пациентке явно за двадцать, а точнее — кто их разберет, этих маленьких и тощеньких блондинок. Запросто может оказаться и за тридцать.

— Здравствуйте. — Улыбка хорошая, располагающая.

И родинка над верхней губой пикантная.

— Здравствуйте. На что жалуемся?

— Безответная любовь.

— Эпидемия сегодня, что ли? — бурчит Любка.

— Что? — не понимает пациентка.

— Ничего-ничего. У сестры своеобразный юмор. Медицинский. Рассказывайте.

— Каждый день его вижу. Я улыбаюсь, глазами стреляю, ну и вообще. А он — ноль внимания, только о погоде говорит.

— Мини-юбку с ботфортами не пробовали? — подает голос Любка.

— Мне нельзя, я на работе.

— Понятно, — говорю я, — служебный роман. Опишите объект.

— Объект... — Пациентка явно волнуется. — Ну, такой. Строгий, правильный, честный. И вообще.

— И вообще дурак, — помогает Любка.

Сторгограмма фиксирует любовь настоящую, платоническую, второй пока степени. Прописываю сторгогон и стоп-сторг.

Антон стоял на своем обычном посту — на площади Труда. Смотрел во все глаза, махал жезлом, штрафы выписывал — все как положено. И ждал трех пополудни. Как всегда. Без пяти три он уже едва не приплясывал от нетерпения.

Без минуты три, как обычно, с улицы Кирова вырулил красный «майбах». На душе у Антона потеплело. Он взгляделся: так и есть, девушка за рулем опять не пристегнута, и окно открыто.

Антон привычно махнул жезлом, останавливая машину, и, счастливый, подошел к ней, склонился к окошку.

— Здравствуйте, — улыбнулся он нарушительнице.

— Здравствуйте.

— Ну что же вы, девушка? Опять нарушаете? Ремешок не пристегнут!

— Опять, — смущенно улыбнулась та в ответ.

— Проезжайте. Только не нарушайте больше, ладно?

— Я попробую, — серьезно кивнула девушка, поправляя светлую прядь.

— Вот и договорились. Нехорошо в такую погоду правила нарушать, верно?

— Верно, — снова улыбнулась нарушительница. — Погода прекрасная.

— До свидания.

«Майбах» затерялся в потоке машин, а Антон долго еще смотрел вслед.

Сентябрь. За окном льет на всю катушку, в лужах скоро можно будет купаться.

— Здравствуйте, доктор. Валя я, вы меня помните?

Еще бы не помнить: Валя-рецидивистка, приходит пунктуально, еженедельно.

— Здравствуйте. Помню. На что жалуетесь?

— То же самое, доктор, — смущенно вздыхает рецидивистка.

На сторгограмме ничего нового: любовь настоящая, платоническая. Третьей степени. Меняю сторгоцит на антилюбовин — некоторым пациентам лучше помогает отечественное. Выпроваживаю рецидивистку.

— Больше не болейте, — говорю на прощание.

Любка саркастически хмыкает за спиной. Я согласен. Уверен, через неделю эта Валя появится вновь.

Маленькая блондинка с родинкой над губой. Любовь безответная, платоническая. Что у нас, день рецидивиста сегодня?

— Здравствуйте, доктор.

— Здравствуйте. На что жалуетесь?

— Как и раньше, — вздыхает девушка.

— Лекарства принимали?

— Конечно, все как выписывали, — таблетки, микстуру. Бесполезно. Я каждый день туда езжу, к нему, чтобы парой слов о погоде обменяться.

— А ботфорты? — интересуется Любка.

— Нельзя мне. Я за рулем, а на каблуках неудобно. Да и не в них дело. Ему что? В ботфортах я или в лунном скафандре — без разницы. Стоит себе истуканом.

— Где стоит-то?

— На площади Труда. Каждый божий день, кроме выходных. А я через нее езжу. Тоже каждый день.

— Что ж, давайте сторгограмму сделаем.

— Здравствуйте. Я к доктору.

— Проходите, присаживайтесь. На что жалуетесь?

— Да я, собственно, ни на что.

Поднимаю от бумаг глаза. Даме лет сорок. Плюс-минус десять. Точнее не позволяет определить обильно наложенная на лицо штукатурка.

— Вообще ни на что?

— Ну, собственно... Мне раздеваться?

— Нет-нет, раздеваться не надо. Я, извините, не вполне понимаю. Если вы ни на что не жалуетесь, зачем тогда ко мне пришли?

— Да я вообще-то не к вам, — объясняет пациентка. — Я к проктологу.

— Э-э...

— К нему сейчас очередь. Ну и я подумала, что успею.

— Простите, что именно успеете?

— Ну как... Это. Что у вас на дверях написано. Или вы не доктор-любовник?

За спиной истерически гогочет Любка.

— Так что же мне, не раздеваться?
— Не надо, — говорю я твердо. — Посидите пока здесь. Пойду договорюсь с проктологом, чтобы он вас принял вне очереди.

— Здравствуйте, доктор.

А вот и очередной рецидивист! «Спортсмен» с безответной любовью к владелице крутой машины.

— Здравствуйте. Как ваши успехи?

— Никак, — хмурится «спортсмен».

— Лекарства принимаете?

— Принимаю.

— И что?

— А ничего: она подъезжает, я стою и смотрю, как пацан на карусель.

— Тяжелый случай. Кстати, где вы стоите?

— На посту стою, на площади Труда. Я в ГИБДД работаю. А она мимо ездит каждый день, в три часа полудни...

Без минуты три красный «майбах» вырулил на площадь Труда. Антон привычно взгляделся: окно, как всегда, нараспашку, девушка за рулем не пристегнута.

Антон махнул жезлом и шагнул к машине.

— Здравствуйте, — улыбнулся он.

— Здравствуйте, — отозвалась нарушительница.

— Что же вы, девушка? Снова нару...

Договорить Антон не успел. Мимо промчался лиловый «фордик» с заляпанными номерами. Вильнул и смачно въехал левыми колесами в здоровенную лужу. Грязевой поток обрушился на Антона, прошелся по «майбаху» и через открытое водительское окно окатил девушку. «Фордик», надрывно взвизгнув тормозами, свернул в ближайший переулок и скрылся.

— Япона мать! — сквозь зубы выругался Антон.

— Ох, да! — Нарушительница окинула взглядом заляпанный грязью салон, посмотрелась в зеркало и всхлипнула: — Что же я теперь хозяйке скажу... Мне через двадцать минут ее из фитнес-клуба забирать.

— Здравствуйте, доктор. Можно?

А такое редко бывает — парами сюда не приходят. Всего один раз было: два старшеклассника, влюбленные в учительницу химии...

Посетители, правда, хорошо знакомые, прежние — «спортсмен» из ГИБДД и мелкая блондинка, которую Любка все пыталась вырядить в ботфорты.

— Проходите, присаживайтесь. На что жалуемся?

— А мы не жалуемся, — отвечает «спортсмен».

— У нас теперь все хорошо, — подхватывает блондинка и краснеет.

— Лекарства, выходит, не помогли? — спрашиваю.

— Хам один помог, на древнем лиловом «форде», — радостно докладывает «спортсмен».

— Интересная терапия! Рассказывайте уж.

— Я Вероника остановил, как обычно, а этот «форд» мимо пронесся и нас обоил — грязью из лужи.

— И я расплакалась, потому что машину только-только вымыла и торопилась.

— Оказывается, Вероника на этой машине работает...

— Ну да, водителем. У меня хозяйка — бизнес-леди.

Антон поэтому и знакомиться не хотел.

ФАНТАСТИКА

— Думал, она и смотреть на меня не станет, раз на такой ездит, — разводит руками «спортсмен».

— Вот. А я каждый день нарочно не пристегивалась, чтобы он меня остановил. А он знай свое — о погоде.

— В общем, так мы и познакомились, — улыбается Антон. — Если бы я сейчас того типа на «форде» встретил, спасибо сказал бы. А сначала хотел — в морду.

— Древний лиловый «форд», — с подозрением говорит Любка, едва пара скрывается за дверью. — Что-то это смутно мне напоминает.

— Мало ли у кого лиловый! — игнорирую я догадки не-квалифицированного персонала. — Не говоря о древнем.

Ну да, «фордик» пора менять, он уже лет пять, как на ладан дышит. А мне жалко — привык. Да и на приличной машине не очень-то погоняешь по лужам, даже в интересах пациентов.

— Здравствуйте, доктор. Можно? Валя я, помните меня?

— Разумеется, разумеется, проходите.

Валя-рецидивистка. Все правильно, давно не была. Ровно неделю.

— На что жалуемся?

— То же самое, доктор. Я для него как пустое место.

— Редкостная скотина! — сочувствует рецидивистке Любка.

Выписываю сторгокилл, его только начали производить. Если верить рекламе, исцеляет не то что влюбленных, а даже мертвых. Прощаемся.

— Хотя сдается мне, этой и сторгокилл не поможет, — жалуясь я медсестре.

— Ясное дело, не поможет, — бурчит Любка, — особенно если спускать его в горшок.

— Куда спускать? — переспрашиваю я ошалело.

— В унитаз, — поясняет неквалифицированный персонал. — Он у нас позавчера от ваших снадобий уже засорился.

— Как засорился? У кого это «у нас»?

— У нас с Валюшкой.

— А? — До меня не доходит. — У вас с Валюшкой?

— Ну да. В кои-то веки решила сестре приличного мужика сосватать. А тот и в стетоскоп не дует. Я бы на ее месте давно плюнула. А Валька ходит. Раз в неделю. К нему, к скотине. Надеется на что-то, дура.

— Куда ходит? — спрашиваю я обалдело. — К какой скотине?

Неквалифицированный персонал вздыхает и убирается прочь за дверь.

